

Говорят, добиться расположения девицы — что гору сдвинуть, а вот мужу поддаться перед женским напором — всё равно что тонкую кисею перешагнуть.

Особенно в древности: чтобы девица сбросила девичью стыдливость, забыла о гордости и первой кинулась за мужчиной — экая отвага требовалась!

Окажись на месте племянника Су Бэйлянь, он бы разчувствовался до слёз, даже если б и не смог ответить взаимностью. А вот Су Цянь, казалось, спал и видел, как бы отрубить Ло Синцзю голову.

В ту ночь Су Бэйлянь уже отошёл ко сну, как вдруг снаружи поднялся невообразимый шум. Немой слуга, дежуривший у дверей, подать голос не мог, доложить о происходящем некому, и сквозь дубовые створки было решительно ничего не разобрать.

Слыша чехарду топочущих ног, Бэйлянь решил: режут! Подскочил на постели точно ужаленный и с перепугу принялся лихорадочно шарить руками в поисках сабли Белой Ночи. Пусть фехтовальщик из него никудышный, с острой железкой в кулаке все же спокойнее.

Дверь с грохотом распахнулась от удара ноги. В покои влетел Су Цянь — босой, в одном исподнем — и с ходу рванул прямо к ложу.

Бэйлянь, разглядев измазанные сажей пятки, успел вовремя перехватить мальчишку за рукав:

— Ты что творишь посреди ночи? — вылутился он на племянника. — И куда с немытыми ногами на простыни?!

Маленький наследный принц хмурился темнее тучи. Не долго думая, он сгреб край шелкового одеяла, без зазрения совести вытер об него подошвы и глухо буркнул:

— Теперь чистые.

«Лучше б ты этого не делал...» — мысленно вздохнул Бэйлянь.

Едва Цянь юркнул к самой стене, как снаружи вновь дробно застучали каблуки, и двор сотряс звонкий, зычный голос Ло Синцзю:

— Су Цянь, я знаю, что ты там! Выходи, не то сама ворвусь! Прятаться бесполезно, это веление самой судьбы! Нам на роду написано быть вместе!

Услышав про «веление судьбы», Бэйлянь не удержался и прыснул. Подумать только, синдром восьмиклассника процветал даже в древнекитайских реалиях!

На этот смешок Су Цянь медленно разомкнул веки и смерил Бэйляна столь мрачным, исполненным немого обещания взглядом, что тот сразу всё понял:пустишь её — заплатишься.

Приняв предупреждение к сведению, Ван Лян поспешно повысил голос, обращаясь к двери:

— Синцзю, девице не пристало посреди ночи ломиться в покои дяди! Ступай-ка к себе в постель, а уж завтра мы с твоим братом Цянем обязательно с тобой погуляем!

Девушка, впрочем, утонченного намека не уловила:

— Да вы не бойтесь, Дядюшка-ван! Я только за Су Цянем! Обещаю, никаких поползновений на вашу честь с моей стороны не будет, бесстыдничать не стану!

Бэйлян окинул взором свой слегка распахнутый ворот и невольно запахнул халат плотнее. Мала ещё, а мысли-то какие!..

— Да я вовсе не о том... Девушке не похоти отираться в мужских спальнях, тебе же репутацию испортят! Да и на меня наклеп возведут. Ну же, будь умницей, иди спать, ладно?

Стоило перевести стрелки на себя любимого, как аргумент сработал железно. За дверью постепенно всё утихло.

Су Бэйлян со вздохом облегчения откинулся на подушки. Впрочем, сон как рукой сняло. Он уставился на узоры, вышитые на пологелюжа, и чувствовал, как дрема окончательно улечувивается. Полагая, что страдает от бессонницы в одиночестве, он осторожно повернулся на бок — и обомлел: Су Цянь смотрел на него огромными, немигающими глазами.

«Надо же, не только зевота заразительна, но и бессонница?»

Раз уж обоим не спится, почему бы не перебраться парой слов? Глядишь, под неспешный разговор и сморит.

— Эй, — окликнул его Бэйлян.

Цянь неспешно перевёл на него взор. Видеть на мордашке будущего главного героя смесь глубочайшего отвращения и полнейшего бессилия было по-своему приятно. В конце концов, подобной мимикой тот щеголял лишь в нежном возрасте.

В оригинальном романе, стоит Су Цяню угодить в Обитель Коварства и овладеть демоническим искусством, как он окончательно утратит способность радоваться или скорбеть.

Наделяя персонажа такой чертой, Бэйлян, вероятно, проецировал собственное алекситимическое расстройство: каково это — вращаться среди людей, но постоянно ощущать себя чужаком. По сути, оборотень. Монстр, затаившийся в толпе. Вот только Су Цянь вырос в могущественное чудовище, внушающее трепет, а сам Бэйлян остался лишь жалким и никчёмным паяцем.

— И долго ты намереваешься бегать от Ло Синцзю? — не удержался от подколки Бэйлян. — Всю жизнь в прятки играть будешь?

Уловив в его голосе явные ехидные нотки, Наследный принц смерил его прохладным взглядом:

— У меня есть Августейший дядя. Пока она в поместье вана Ляна, я стану ночевать в твоих покоях. Вплоть до самого её отъезда.

— В моих покоях?! — вытаращился Бэйлян.

«Загорелись ворота — досталось и карасям в пруду!» По идее, девчонку со сватанным женихом сводили, а вышло так, словно мальчишку спихнули ему на шею. Чертовщина какая-то!

Этак дело не пойдёт. Просторная перина в мгновение ока усохла до тесной узкой койки — теперь, прежде чем перевернуться, приходилось судорожно высчитывать траекторию: влево податься или вправо?

Если судить непредвзято, по-мужески, Ло Синцзю, не считая чрезмерной трескотни, была девчушкой весьма милой и непосредственной. Вот только Цянь воротил от неё нос. В оригинале он к ней относился с прохладным равнодушием, но уж точно не с таким омерзением. Уж не сам ли Бэйлян нечаянно обрушил рейтинг девчонки в глазах главного героя?

В своё время Бэйлян долго ломал голову, стоит ли прописывать для Су Цяня любовную линию. Но к финалу сюжетной арки персонаж окончательно вырвался из-под авторского контроля. С его-то жизненным багажом и ледяным нравом Су Цянь утратил интерес ко всему сущему. Насильно заставить его пылать страстью к кому бы то ни было означало на корню разрушить каноничный образ.

И всё же Бэйляну стало любопытно: а какие женщины вообще способны привлечь такого мужчину?

Мысль увлекла его, и он тут же спросил:

— Раз Синцзю тебе не по нраву, так каков твой идеал?

Прежде чем выдать этот вопрос, Бэйлян перебрал сотню вариантов. Ответ великого героя

обязан быть утонченным, нетривиальным — таким, до которого смертному умом не дойти! Но услышав разгадку, ты лишь хлопнешь себя по лбу: ну конечно! По-другому и быть не могло!

Су Цянь повернул голову. Смерив Бэйляна, замершего в предвкушении, он мягко улыбнулся:

— Мне нравятся красивые.

...

— И... всё? — уточнил Бэйлян, отказываясь верить ушам.

— Всё.

...

Бэйлян лишился дара речи.

«Да ты же непобедимый протагонист! К чему эта мещанская банальщина?! Неужто нельзя было завернуть что-нибудь поэтичное, возвышенное? Я с тобой мало идиом заучивал, что ли?!»

Эх, столько предвкушения — и всё коту под хвост! Хотя, если порассуждать... Главный герой, при всём своём величии, остаётся мужчиной. А мужики любят глазами, природа у них такая. Было бы странно, заглядываясь он на дурнушек. Кто же откажется от красавицы? Бэйлян и сам грешен.

И всё же удержаться от вопроса он не смог:

— Хочешь сказать, Синцзю дурнушка?

По шкале привлекательности в этом романе девица уверенно занимала третье место — уступая лишь покойным матушкам самого Бэйляна и Су Цяня. Первая красавица на всё государство Дунсюань — и нехороша?!

Очевидно, в глазах Наследного принца — ни капли.

Маленький наследный принц подпёр подбородок кулачком и приподнялся, оказавшись нос к носу с Бэйляном.

— Ей до совершенства — как до Луны, — с неприкрытым высокомерием уронил тот. — Жонка моя должна быть мне под стать.

«Ну и нарцисс!» Бэйлян чуть не застонал от досады, на мгновение пожалев, что наделил главного героя титулом первого красавца поднебесной. Здоровый же лоботряс — и туда же, с девчонками личиком мериться!

Бэйлян обессиленно ронял голову на подушку и тяжело вздохнул:

— Мал ты ещё, вот и витаешь в облаках, всё о неземных красавицах мечтаешь. Вырастешь — поймёшь, что любая бабёнка в доме — уже счастье. А коли война грянет да всех женщин враги полонят, так и мужик сгодится.

— А чем мужик плох?

Обычная подначка неожиданно вильнула в сторону настоящего кошмара.

Едва расслабившийся Бэйлян мгновенно вытаращился на Су Цяня. В душе вспыхнула паника.

— Тебя что, Сюэ Сань в Тереме Ветра и Луны с панталыку сбил?! — задохнулся от негодования Ван Лян. — Ах он паршивец! Набрался с ним непотребств... Надобно было давно запретить тебе с этим негодником знаться!

Цянь, явно подливая масла в огонь, сощурился:

— А если мне самому по душе?

Глядя на его невозмутимую физиономию, Бэйлян окончательно пришёл в ужас. В памяти точно не числилось за протагонистом никаких гомосексуальных наклонностей!

Несокрушимый герой мужеской сетевой прозы — и вдруг по мужикам?! Это ж уму непостижимо! Неужто из-за отсутствия прописанной героини бедолага от одиночества на противоположный пол махнул рукой?

Душа Бэйляна разрывалась на части. Принять подобный поворот было выше его сил, но и ранить неокрепшую психику племянника не хотелось. Пришлось подбирать слова помягче:

— Любить мужчину — греха тут особого нет... Однако государю подобное увлечение не простят — молва с потрохами сожрёт! К тому же, когда взойдёшь на престол, Дунсюаню потребуются наследник. И что тогда? Какая радость от мужика — ты родить сможешь или он?

Су Цянь, как обычно, зрел в самогон:

— Значит, дело не в полу, а в продолжении рода?

— Ну... в общем, да.

Су Цянь хмыкнул:

— Экая печаль! Вся земля под солнцем — подданные Дунсюаня. Возьму любого сироту да вычущу Наследником — не обязательно плодить кровную родню.

Бэйлян обомлел от такой житейской мудрости:

— Неужто тебе настолько милы мужчины, что ты готов отречься от собственного семени? Признавайся Августейшему дяде: приметил уже кого?

Су Цянь пристально всматривался в лицо Бэйляна:

— Нет.

— Точно? — подозрительно прищурился Ван Лян.

— А тебе-то как бы хотелось?

— Да упаси Небо! — всплеснул руками Бэйлян. — Не то я за себя не ручаюсь — изрублю ирода на куски! Ты же ещё совсем сопляк... Эх, а я-то надеялся с внуками потешиться...

Договор с искренним горестным чувством: собственный рукотворный протагонист ушёл по неверной дорожке — тут у любого сердце кровью обольётся. Бэйлян зажмурился, тяжело переживая крушение надежд, как вдруг почувствовал, как к его боку прижался тёплый комочек, а чьи-то тонкие ручонки подхватили его ладони.

Разомкнув веки, он обнаружил, что Су Цянь по-хозяйски обвивает его руками, а сам устроился под боком. Изогнув раскосые глаза-персики милыми полумесяцами, мальчишка прошептал:

— Дядюшке не нужны внуки. Обними меня.

В ту секунду Бэйлян вынужден был признать: сердце растаяло. До чего же милый паршивец!

Интересно, какому же подлецу в будущем достанется это сокровище?

«Зашибить бы этого гада заранее...»

<http://bllate.org/book/20606/2140594>